

22.06.2026

Андрис Лиепа: «Русский дух в балете проявляется больше, чем в чём-либо ещё»

Андрис — наследник великой балетной династии, который восстановил дягилевские «Русские сезоны», работал в Большом, Мариинке и у Барышникова в Америке. Он редко говорит о политике, почти никогда — о Китае и крайне неохотно — о личной жизни. В этом интервью — всё сразу: отмена русской культуры, развитие балета в Китае, любовь, вера и новые постановки.

— Андрис, по последней информации, Вы работали в Ташкентском театре, дальнейший Ваш путь интернет умалчивает. Чем Вы сейчас занимаетесь?

— Я фрилансер. После возвращения в Москву поставил три спектакля в Кремлёвском дворце — «Раймонду», «Баядерку» и «Щелкунчика», а в Самаре — «Шахерезаду» и «Жар-птицу». Сейчас мы с Илзе готовим вечер к 90-летию Мариса Лиепы, 26 октября он состоится в Кремлёвском дворце. Я думаю, что в Большом театре мы тоже его организуем. Хочется, чтобы на концерт попали те люди, которые любят отца и до сих пор помнят его. Мы также получили грант, чтобы провести в 4-5 городах России концерты, мастер-классы и рассказать про папу. Будет также переиздание его книги «Хочу танцевать 100 лет». Ну и, самое главное: в планах работа с иностранным хореографом Патриком де Баной.

Мы планировали поставить «Клеопатру».

Также я регулярно езжу на Байкал, дружу с ребятами из Улан-Удэ и руководством театра. Они попросили меня приехать и помочь им провести «Байкал Фест». С Илзой будем также делать концерт, посвящённый Чайковскому в Клину.

А в прошлом году я поставил три спектакля и в Большом театре, «Жар-птицу», «Петрушку» и «Шахерезаду». С большим успехом всё прошло… Планов много. Мы пытаемся всё правильно сгенерировать и выстроить, чтобы всё успеть.

— По поводу новых постановок; в интервью нашему журналу премьер балетной труппы Мариинского театра Ким Кимин посетовал на то, что нет постановок по новым сюжетам, которые стали бы классикой для будущих поколений. У Вас нет в планах взять новый сюжет и поставить совершенно новый балет, который в будущем станет Вашей классикой?

— Есть идея с постановкой «Клеопатры». Это наша интересная история, совмещение реальности и исторического прошлого. По сюжету человек приходит в музей и выпадает из современности в эпоху Клеопатры. И непонятно: то ли всё это во сне происходит, то ли наяву. Такой немножко сюр. Но мне кажется, что это должно быть интересно.

Ещё есть планы по постановке спектакля про Айседору Дункан. Это как раз и будет современно. То, о чём Кимин сказал, я тоже приму к сведению.

Самая большая проблема в балете — отсутствие новой музыки. Её нужно заказывать, но это рискованно: никто же не знает, что в итоге получится. Прокофьев не сам придумывал балет «Ромео и Джульетта». Ему заказали. Он написал эту музыку по заказу Кировского театра. Музыка для балетов «Жар-птица» и «Петрушка» были написаны по заказу Дягилева.

Фактически сохранились лишь те балеты, у которых была хорошая музыка. Все те постановки, которые были интересны, но музыка не соответствовала уровню ожиданий, к сожалению, не дошли до нас. По «Русским сезонам» сочинялось порядка 100 с чем-то балетов, но в итоге осталось двенадцать. Музыка для балета является ведущей!

— Вы руководите разными коллективами…

— Сейчас я не руковожу, а предлагаю свои проекты в разные коллективы. До этого 4 года я проработал в Ташкенте, поставив там 5 спектаклей. Были планы продолжать, но сменился директор, и мне пришлось уехать. Я ни секунды не жалею, потому что вернулся в Москву и уже долго работаю здесь.

— Вы родились в Москве, детство провели в Риге, работали и в США, и в Узбекистане… Где Вы себя чувствуете как дома, и где Ваш дом по ощущениям?

— Я люблю Россию, на самом деле. Часто бывал в Риге. Обычно на юбилей Мариса и дни рождения (27 июля) мы всегда делали концерты в Рижской опере, но в связи с политической обстановкой теперь туда не ездим. Жалко. Я люблю Ригу. Очень люблю также Нью-Йорк. Это такая парадоксальная вещь: я себя очень хорошо чувствую в Москве и в Нью-Йорке, несмотря на то, что города абсолютно разные. Энергетика этих городов мне подходит. Люблю также Санкт-Петербург, где проработал 8 лет. Для меня это очень знаковое место. Но, честно скажу, у меня есть внутренняя установка: если будет интересная работа, пусть даже в Китае, — поеду и в Китай.

— Почему вдруг Китай вспомнился?

— Я в Китае бывал часто. До пандемии там в Шанхае проходил международный конкурс артистов балета. Я пять раз приезжал туда, как член жюри, и со спектаклями. Первый раз я приехал в Китай в 1986 году. Второй мой визит был уже в 2006 году, и увиденное меня поразило. Я был в состоянии шока от того, как можно поднять страну за 20 лет. В Шанхае меня также восхитил совершенно фантастический балетный культурный центр. В этом центре 76 балетных залов; на 1500 мест театр для Шанхайского национального балета; на 800 человек зал для современного танца, чтобы показывать современные постановки. В две станции метро там построен специальный квартал, в котором живут артисты балета, работающие в Национальном балете Шанхая. А в Пекине, как мне сказали, есть такой же культурный балетный центр, где 86 залов!

Они очень хорошо и интересно работают как в классическом балете, так и в области современной хореографии. Китайские артисты всегда привозят на международные конкурсы уникальные балетные номера. Это их конёк. Они сейчас показывают такой же высокий класс, как и китайские спортсмены.

Китай и Корея, а ранее ещё и Япония, начали очень серьёзно заниматься балетными школами, приглашать наших специалистов. В Китае это решение принималось на государственном уровне. В Шанхае, а потом и в Пекине, стали проводить международные конкурсы среди артистов балета: один год — в Шанхае, второй год — в Пекине, и так по очереди каждый год. У нас такого нет. Наш международный балетный конкурс идёт раз в четыре года. А у них — каждый год.

Причём призовой фонд китайских конкурсов совершенно фантастический. Последний раз, когда я там был, Гран-при составлял 30 тысяч долларов. Раньше даже представить себе было невозможно, что артист балета за выступление на конкурсе может получить такую огромную сумму.

Когда мы с Ниной Ананиашвили выступали на конкурсе в Джексоне, мы получили Гран-при, который тогда составлял 10 тысяч долларов. Но, правда, те 10 тысяч долларов были совершенно другие, нежели теперешние.

— А какая из балетных наград для Вас дороже всего?

— Первую свою золотую медаль я получил, когда учился в хореографическом училище; тогда мне было 18 лет. К ней я испытываю особую любовь. И, конечно, победа на конкурсе в Джексоне мне очень важна.

— Где Вам больше всего нравилось работать?

— Знаете, в детстве я очень любил лепить. Это для меня какое-то наслаждение было. До сих пор леплю… Недавно я слепил, на основе сохранившегося у папы рисунка, ножку (стопу) Анны Павловой. У Илзе недавно был конкурс «Моя Павлова», и она сделала эту скульптурку символом конкурса.

— Вы хотите сказать, что Вы не ту профессию выбрали?

— Родители очень не хотели, чтобы я стал артистом балета. Они понимали, что в этой профессии очень многое зависит не только от тебя, но и от других людей и факторов. Хотели, чтобы я стал скульптором…

— Но всё же стали артистом…

— Недавно я был в Академии хореографии и увидел в экспозиции мебель из кабинета Софьи Николаевны Головкиной,

среди которой был и диван, на котором я сидел, когда пришёл первый раз в хореографическое училище. Папа меня привёл. Софья Николаевна тогда спросила, хочу ли я стать артистом балета. Я говорю, да, я хочу танцевать. В общем, всё решилось на этом диванчике.

— Так где же Вам всё-таки нравилось работать больше всего?

— У меня был очень хороший период в Америке. Я был первым советским артистом, который получил разрешение на работу в американском балетном театре. Работал у Барышникова. Мне это дало эмоциональный подъём, какую-то совершенно фантастическую закалку, творческую свободу и расширило мой кругозор. Я смотрел спектакли, которые идут в Метрополитен. Там пел Паваротти, Доминго, Мирелла Френни. Я встретился с Николаем Гяуровым, с которым отец дружил; ходил на Бродвей, смотрел новые постановки. Там у меня, кстати, родилась идея по поводу восстановления «Русских сезонов». Я пришёл в театр, куда приехал Роберт Джоффри со своей труппой, и увидел, как скрупулёзно восстановлены декорации, костюмы, как они стараются в «Петрушке». Стараться стараются, но у них ничего не получается, потому что у них нет русского духа.

И я понимал, что мы сами должны это сделать и станцевать в сто раз лучше, чем американцы. В итоге, когда я вернулся обратно в Советский Союз, стал работать над идеей восстановления этих спектаклей.

Получается, что я продолжаю то, что было у отца. Он восстановил когда-то миниатюру «Видение розы». Я продолжил и «Петрушку», и «Жар-птицу», и «Шахерезаду», и «Половецкие пляски», и «Тамар», и «Синего бога». Всё, что мог, восстановил из репертуаров «Русских сезонов», 12 балетов. С 2009 года мы выезжали в Париж и в Лондон, в те же театры, в которых работал Дягилев. Это была частная антреприза, я нашёл спонсоров, которые нам помогали. Мы выезжали до 2014 года, пока не начались всякие волнения и отмена русских артистов… Ездили также по всем нашим городам: Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Новосибирск… В наших спектаклях танцевала Илзе, Коля Цискаридзе. Всё было очень мощно, здорово, красиво.

— Что такое «русский дух» для Вас?

— Когда русский балет приезжает за границу, что-то происходит. Зритель становится абсолютно другим. Иностранцы любят нашу открытость, они любят нашу выразительность, любят нашу интересную и совершенную балетную технику. Русский дух в балете проявляется больше, чем в чём-либо. В мировом балете мы остались законодателями моды, и наше существование на сцене всегда всех подкупает и поражает. Не случайно, когда советские или русские артисты приезжают за границу, на их выступления продаются самые дорогие билеты… Просто качественный продукт стоит дороже, и он в качестве именно нашего исполнения.

Дягилев положил начало уникальной традиции: он пробил окно в Европу и в мир для русского искусства.

— Вы сейчас ощущаете отмену русской культуры?

— Я — нет. Думаю, что она ощущается у них, потому что они начали терять большие деньги и возможность видеть наших артистов. На самом деле, Метрополитен-опера имеет сейчас проблемы с финансированием, Венская опера также. Это касается всех оперных площадок, куда раньше приезжал Большой театр.

— Вы считаете, что нет альтернативы русским артистам, русским балетам, русским спектаклям?

— Очевидно, так. Они привозят киевский балет, они привозят балет из Тбилиси, они привозят и минский балет. Но замены Большому и Мариинскому театрам нет. Это два флагмана и балетной, и музыкальной, и мировой культуры в целом. Наши артисты и зритель взаимодействуют — это уникальная история.

Кстати, с Аллой Юрьевной (супругой) мы познакомились на «Щелкунчике». Я поставил «Щелкунчик» в Кремлёвском дворце и пригласил Аллу. Хотя, если честно, мы знакомы были давно: пересекались в нашем храме. А в ноябре мы в нём же обвенчались.

Алла: Андрис говорит образно «мы познакомились на “Щелкунчике”». На самом деле, мы знакомы, наверное, порядка 10 лет. Визуально. Просто судьбы какими-то другими путями у каждого шли. В то время, вернувшись из Америки, я работала помощницей настоятеля в нашем храме. Сама я родом из Казани…

Андрис: Все считают, что Алла — балерина, хотя она никакого отношения к балету не имеет.

Алла: Я по профессии экономист, специальность — мировая экономика, работала в яхтенной индустрии. Один из проектов был связан с Москвой, и в столице я оказалась по этому поводу. В итоге задержалась здесь: уже больше 10 лет живу в Москве.

— То есть, в прямом и переносном смысле, вас связала церковь… Андрис, Вы были крещены, как лютеранин, но потом что-то произошло, Вы перешли в православие. Произошёл какой-то серьёзный слом в сознании или судьбе?

— Бабушка крестила меня в лютеранской церкви. И я так прожил до 33-х лет. После Америки вернулся в Ленинград. В Ленинграде первый раз, когда выходил на сцену, наш осветитель Таня Пейкина поставила мне на столик икону Ксении

Петербуржской. Сказала, что она покровительница Петербурга и Ленинграда и будет всегда меня охранять. Я эту икону сохранил. Потом я попал в часовню Ксении Петербуржской. Постепенно начал проникаться духом православия… Кроме того, окна моей квартиры в Москве выходят на храм. Как я буду жить в квартире, в которой окна выходят на церковь, а я не православный человек? В итоге чином миропомазания я перешёл в Православие. И так всё сложилось…

Тут очень важно быть воцерковленным. До принятия православия я был крещёным, но не был воцерковленным. Когда я воцерковился, жизнь изменилась. Самым большим открытием было моё путешествие в Дивеево. Теперь у меня там дом, своё гнездышко с балетным залом и замечательной печкой.

— Говорят, театр — это тоже храм, храм искусств…

— Самое главное — что там дают, какое наполнение. Если будет хороший директор, хорошие артисты, то театр будет жить. В нашем деле оснащение, к сожалению, никогда ничего не значило. Когда ты приходишь в театр с традициями, ты всегда погружаешься в его атмосферу. Не зря говорят про московскую театральность… Оркестр может быть не очень хорошим, но если есть хороший дирижер, то он выводит оркестр на совершенно другой уровень. Так же, мне кажется, и в театре. Если в театре будут работать профессионалы, то всё будет хорошо.

**Фотограф Нина Аловерт*